

1

В своих письмах из Украины Карл-Йозеф Цумбруннен писал: «Все, чего мы себе желаем, о чем думаем и на что надеемся, обязательно с нами случается. Суть только в том, что всегда слишком поздно и всегда как-то не так. Следовательно, когда *это* предстает перед нами, мы даже не узнаем *его* в лицо. Поэтому большей частью мы боимся будущего, боимся путешествий, детей, боимся перемен. Я не умею этому противиться, но изо всех сил делаю вид, что сопротивляюсь. С недавних пор здесь снова начали надолго отключать свет».

Никто из ближайших приятелей так и не дождался от него ясного ответа на вопрос, зачем он туда ездит. Девушка, с которой он встречался на протяжении восьми лет (по имени Ева-Мария, и неизвестно, кого именно — Марии или Евы — было в ней больше), однажды утром сообщила, что с нее хватит. Вслед за нею он проводил до ворот дома большую часть своей молодости — ту, в которой с ошеломляюще волнующей открытостью ловишь все встречные взгляды. Но Карл-Йозеф Цумбруннен не перестал ездить в Украину даже после этого разрыва. Он всего лишь малость — замечали только самые близкие — ссутулился, да еще окулист вынужден был прописать ему по целой дополнительной диоптрии.

Он также не перестал ездить и тогда, когда украинское правительство значительно усложнило визовые про-

цедуры, а также существенно повысило цены на консульские услуги. Карл-Йозеф все равно переступал порог их представительства, часами высиживал в приемных рядом с хриплоголосыми беглянками из борделей и всяческими прочими нелегалами, боковым зрением фиксируя на себе иногда любопытные, впрочем, обычно пренебрежительные взгляды покрытых с каждым разом все более толстым слоем косметики дородных русскоязычных секретарш, и, допущенный наконец к аудиенции, в который раз напоминал забывчивому чиновнику свою фамилию, имя, *род занятий* и цель визита. На определенной стадии беседы чиновник обычно его вспоминал и, водянисто глядя куда-то долу, обещал посодействовать.

Первую свою поездку Карл-Йозеф предпринял в самом начале девяностых. Совершенно новое государственное образование в то время привлекало многих путешественников на Восток. «Если они выдержат эту зиму, — писал в письмах Цумбруннен, — им суждено хорошее будущее. Сейчас им во всем ужасно тяжело, во всем недостаток существеннейших вещей, не исключая водки и спичек, временная квазивалюта ежеминутно обесценивается, но не стоит забывать, что это Восток, а значит, материальное тут никогда не приобретет решающего значения. Я имел беседы с молодыми интеллектуалами и кое-какими студентами — это чрезвычайно интересные люди, и они готовы радикально изменить свою страну». Адресаты его писем только пожимали плечами: все эти экзотические *записки путешественника* казались им по меньшей мере банальными и наивными, чуть ли не переписанными из полного собрания сочинений какого-нибудь Роллана или Рильке. Вернувшись в Вену в начале лета, Карл-Йозеф Цумбруннен

привез деревянного лакированного орла, пару косовских лижныков¹ (один для своей девушки) и пачку сигарет «Ватра»². Карл-Йозеф не курил, но время от времени угощал «Ватрой» кого-нибудь из экстремально настроенных гостей — таким образом, за несколько лет после того первого возвращения пачка опустела едва ли наполовину.

Он опубликовал свои фотографии Карпат и Львова в нескольких маргинальных журналах, хотя до отдельной выставки под заранее придуманным названием «Европа, Смещенный Центр» дело так и не дошло. Не помогла даже готовность Карла сменить название на чуть более компромиссное: «После Рота, после Шульца». В последнюю минуту вмешались какие-то высшие силы из музея археологии и этнографии — и все разлетелось в щепки. Но Карл-Йозеф Цумбруннен продолжал ездить.

В этом отношении он был совершенно иррационален, что не могло не проистекать из его извилистой, собственно, как и у подавляющего большинства его австрийских соотечественников, генеалогии. В течение последних четырех-пяти столетий его предки столько всего намешали социально, этнически, конфессионально, политически несовместимо-взрывного, что Карл-Йозеф мог с равным успехом считать себя потомком баварских пивоваров-анабаптистов, судетских погонщиков мулов, тирольских сыроваров, обанкротившихся зальцбургских ростовщиков, сопроньских продавцов соли, нескольких самоубийц-банкиров и опять-таки самоубийц, но уже

¹ Лижнык (*укр.* ліжник) — домотканое орнаментированное покрывало из овечьей шерсти. Особенным качеством славятся лижныки из Косовского района Ивано-Франковской области. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² «Ватра» (костер) — сигареты без фильтра, похожие на сигареты «Прима».

епископов, а кроме того, прочих ярких личностей, среди которых был также какой-то глотатель огня и ножей из Лайбаха, и привселюдно сожженная за ведьмовство раскосая хозяйка кукольного театра из Гарнова неподалеку от Кракова, и известный составитель сельскохозяйственных календарей из Маттерсбурга и не менее известная феминистка-журналистка, тоже раскосая. Одним из отдаленнейших своих ответвлений семейство Цумбрун-ненов восходило к композитору Букстехуде, другим — к художнику Альтдорферу. Но совершенно не исключено, что первое свое украинское путешествие Карл-Йозеф совершил под влиянием семейного мифа о прадеде, фанатически деятельном старшем лесничем из Ворохты, впоследствии переведенном на службу в Чертополь. Прадед, как ни удивительно, тоже носил имя Карл-Йозеф. Как ни удивительно, Карлами-Йозефами вообще звались девять десятых всех мужчин из рода Цумбрун-ненов. Прадед Карл-Йозеф Цумбруннен вписан золотыми буквами в историю австрийского (а то и мирового?) лесоводства как тот, кто в середине XIX столетия засадил хвойными породами и буком огромные площади лысых карпатских склонов. «Здесь никто уже не помнит о нем, — писал Карл-Йозеф, его правнук, в своих письмах, — и любые мои попытки что-то о нем разузнать заканчиваются неудачами. Складывается впечатление, будто в двадцатом веке здесь воистину случился ужасный катаклизм, что-то вроде тектонического сдвига, вследствие которого все, что произошло и существовало ранее, скажем, перед тридцать девятым годом, провалилось в небытие. Я говорил с несколькими молодыми историками, и они уверили меня, что будут добиваться присвоения имени прадеда одной из кафедр здешней лесной академии. Но разве для меня важно это!»

В девяносто втором он ездил дважды, в девяносто третьем — только раз, но надолго, кажется, просидев во Львове целых три разрешенных визой месяца. В девяносто четвертом, услышав о результатах последних украинских выборов, он решил, что ему уже никогда не удастся туда поехать. Его тогдашние письма отличаются особенной резкостью и горечью: «Эта страна имела прекрасные шансы измениться и из состояния перманентного уродства и олигофренической беспомощности почти молниеносно перепрыгнуть в состояние по меньшей мере *нормальности*. Оказалось, однако, что количество тех, что внутри ее самой не желают этого, вообще не желают ее существования как такового, существенно превышает все допустимые пределы. Два года назад я, похоже, очень ошибался. По большому счету, это не мое дело, а их, они ежедневно делают свой собственный выбор. Мне жаль лишь ту ничемно крохотную кучку *иных*, с которыми я здесь познакомился и довольно неплохо сотрудничал. Ныне все они замерли в недобрых предчувствиях ликвидаций и чисток, кто-то как-то даже произнес слово «эмиграция», еще кто-то — «отделение, Збруч»¹. Не думаю, что при том сыграла свою роль доза употребленного алкоголя — заявлено это было совершенно трезво. Конечно, формирования, подобные историко-культурному обществу «Дунайский клуб», будут закрыты не сразу, не завтра, таким образом, пока есть возможность, необходимо успеть сделать больше». Посему во второй половине июля того же девяносто четвертого года Карл-Йозеф Цумбруннен надолго исчезает в Карпатах, фотографируя в основном старые

¹ По реке Збруч с 1921 по 1939 гг. проходила граница между входившей в состав Польши Галичиной и Советской Украиной, входившей в состав СССР.